наш крупный рогатый скот, женского и мужского пола, малый и большой, до отда(11)чи и представления полностью вышеупомянутого количества вина, без сг ора. Для твоей уверенности мы составили это удостоверение, (12) как выше значится. Аврелия Асанефь, дочь Памуфа, и ее сыновья, Аврелий Памуф и Дий, вышеназванные, составили (13) это удостоверение о четырехстах койс вина и считаем себя связанными всем в ней написанным, как выше значится (14). Я, Флавий Пелит, сын Даниилия, по просьбе вышеназванных лиц написал за них, как не знающих грамоты, (15) я же и оформил документ. Писано в месяце епиф, 30-го, 15-го индикта.

(Надпись на обороте): Удостоверение, составленное Асанефой.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт

ПАРФЯНСКИЕ КРЕПОСТИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(Из материалов работ ЮТАКЭ)

Известия античных авторов о парфянских городах, крепостях и поселениях крайне скудны. Предприимчивых купцов или отважных военных лазутчиков, пересекавших обширные пространства парфянских владений, на каждом шагу подстерегали опасности: жажда и нестерпимый зной, хищные животные и ядовитые гады, пески пустыни и тяжелые заболевания. Но главную опасность представляли сами парфяне, воинственные и заносчивые, ревниво оберегавшие свою независимость и монополию на великие караванные пути, которые соединяли средиземноморский мир с центрально-азиатским. Неприступность границ и дорог для чужеземцев гарантировала парфянскому купечеству роль экономического посредника между странами Ближнего и Среднего Востока, земледельцам и скотоводам — безопасность в смысле нападения внешних врагов, военному сословию — возможности вторжения в чужие пределы при свободном маневрировании на собственной территории. На стародавнюю тактику парфян по завлечению врага в глубь своей страны с последующим контрнаступлением и разгромом его указывал товарищ Сталин[1].

В конечном счете осведомленность историков и географов греко-римского круга о Парфии не выходила за пределы самых общих крайне нечетких представлений. Раскрыть и понять особенности парфянской культуры помогла сама Парфия, заговорившая языком своих памятников под пристальным взором советских археологов. Археологические исследования в течение первой послевоенной пятилетки на территории Южного Туркменистана, т. е. области былого обитания коренных парфянских племен, выявили большое количество памятников одной из полузабытых цивилизаций. Интересные данные, в частности, получены были в отношении парфянской крепостной архитектуры.

Наличие развитых традиций крепостного строительства на территории, далеко отстоявшей от границ с могущественными соседями — Римом на западе и государством Кушан на востоке — красноречиво свидетельствует, что сложение их обусловлено было не столько опасениями вторжения внешних врагов, сколько причинами внутреннего порядка. Сама организация парфянского государства таила в себе элементы почти постоянных внутренних раздоров и межплеменной борьбы. Последняя вызвана была в значительной мере тем, что уже в III в. до н. э. парфянское государство в его общ ых границах представляло род военно-административног объединения, которое, подобно империи Александра, представляло «...конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[2]. Остатки парфянских крепостей, сохранившихся

[1] См. И. В. Сталин, Ответ т. Разину, «Большевик», 1947, № 3, стр. 8.

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

на территории Парфиены (современная Ашхабадская область), Апаварктикены (Каахкинский район), Маргианы (Марыйская область) — наглядное свидетельство неспокойной обстановки в н у т р и самого парфянского государства. Именно внутренняя борьба подтачивала устои парфянского государства и привела на грани нашей эры к низвержению старшей ветви Аршакидской династии и временному распаду государства на ряд отдельных, полунезависимых областей, а в III в. н. э.— к крушению ослабевшего парфянского царства, низвергнутого коалицией южноиранских племен.

В Южном Туркменистане зарегистрированы многочисленные остатки крупных и малых парфянских крепостей; иные из них были объектами специального обследования ЮТАКЭ. Некоторые данные к историко-архитектурной характеристике последних приводятся в настоящей статье.

Когда в IV в. до н. э. войска Александра вступили в Среднюю Азию, они застали в основном крепости, обведенные стенами «земляными и невысокими». Так, по крайней мере, характеризует Арриан города Согда, указывая, что исключение составлял лишь Кирополь, к>торый, «как основанный Киром, был укреплен более высокими стенами, чем остальные»[1]; взять этот город удалось лишь хитростью,— пройдя через сухое ложе реки, рассекавшей город, и разбив изнутри ворота. Города Туркменистана времени Ахеменидов характеризует либо отсутствие крепостных стен, либо также обведение их сравнительно невысокими земляными валами. Таково, например, обследованное в 1950 г. городище Кырк-тепе в Маргиане; по заключению М. Е. Массона это — «город-загон» местного кочевого населения, восходящий к VI—IV вв. до н. э. Он почти квадратен в плане и обведен валом, с часто расположенными башнями, возвышавшимися над стенами, но не выступавшими по ширине. На осях крепости лежало четверо ворот, у северного фаса располагался еще один внутренний, обведенный дополнительным валом круглый загон. Замечательно, что та же схема плана (квадрат, но с небольшим срезом северо-западного угла, четверо ворот, круглая цитадель в северной части) повторена, но в несравненно больших масштабах, в плане древнего Мерва (городище Гяур-кала с Эрк-калой). Есть основания утверждать, что осуществленное Антиохом «строительство» Антиохии Маргианской исчерпывалось наращиванием монументальных стен на периметре уже существовавшего города древних маргианцев. Изучение разреза этой стены в юго-западном углу Гяур-калы показало, что мощность ее древней основы у подошвы достигала 13 м и кладка велась с откосом около 75° из пахсы; лишь на высоте 5 м отмечается новая выкладка ее (видимо, как раз соответствующая строительству Антиоха) из характерного для Туркмении «античного» сырца квадратной формы, размерами 39—40 см на 12—14 см толщины. Эта кладка сохранилась на высоту дальнейших 7 м; выше следуют уже ремонтные кладки раннего средневековья. Однако в некоторых участках (например, в северо-западном) стена Гяур-калы на всю свою высоту (до 20 м от подошвы) сохранила старую кладку, связанную со временами селевкидского и парфянского владычества. Здесь ясно прослеживается архаичный принцип размещения на небольших расстояниях прямоугольных башен, вздымавшихся над стеной, но еще не выступавших наружу. Оплыв верхушек закрыл в настоящее время заключенные здесь помещения и площадки для стрелков, но в одном месте обвал кладки обнаружил древнюю щелевидную бойницу, перекрытую парой наклонно поставленных кирпичей, что придает ей стреловидный характер. Форма стреловидных бойниц была весьма типична в парфянской архитектуре, встречаясь в ряде крепостей; со временем она широко вошла и в архитектурную орнаментику парфянского зодчества[2].

Крепостные принципы Гяур-калы несут в себе ряд архаических черт. Гладкие стены со множеством бойниц, расположенных на близких расстояниях и осуществлявших лишь навесной бой, сближают их с крепостью Джанбас-кала в древнем Хорезме, датируемой С. П. Толстовым IV—III вв. до н. э.[3] Специфику ее архитектуре придает

[1] А р р и а н, Анабасис Александра, IV, 2, 3.

[2] См. Г. А. П у г а ч е н к о в а, Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 222 сл.

[3] См. С. П. Т о л с т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 88 сл.

массивы возвышенных башен и наличие круглой цитадели — Эрк-тепе у северного фаса крепости. Во время осады Гяур-калу должно было защищать все мужское население города, что вполне закономерно в условиях рабовладельческого общества, сохранявшего в своем укладе многие черты патриархально-общинного строя.

За последние годы наиболее обстоятельному изучению была подвергнута Ниса, называемая Парфавнисой в дорожнике Исидора Харакского, где она перечисляется вслед за Аставеной (в районе Туса), как место погребения парфянских царей. Лаконичное упоминание этого древнего автора не дает возможности судить, что представляла собою Ниса: был ли то город или просто поселение «варварского» типа. Ответ на эти вопросы дала сама Ниса, ее руины[1].

Наполовину поглощенные полями, огородами, постройками обширного туркменского селения Багир, развалины Нисы издалека обращают на себя внимание массивами оплывших крепостных стен. Археологические исследования показали, что парфянская Ниса заключала собственно город — ныне городище «Новая Ниса» («Тязе-Нусой» по-туркменски), затем царский заповедник — ныне городище «Старая Ниса» («Койне-Нусой») и, наконец, обширный пригород полусельского типа. Территорию пригорода опоясывал мощный, около 3 м в основании, глинобитный вал, включавший в свою округу обведенный крепостными стенами античный город — Новую Нису. Старая Ниса оставалась, хотя и вблизи, но все же вне этого вала и представляла собой самостоятельную мощную крепость.

Античный город Новая Ниса возник, как показала стратиграфия слоев, на месте уже существовавшего ранее поселения, археологический инвентарь которого дает так называемые «культуры Анау III и IV». Повидимому, это в известной мере определило его совершенно неправильную криволинейную конфигурацию, характерную для стихийно слагавшихся поселений Южного Туркменистана «варварского» типа (Яссы-тепе, Намазга-тепе и др.), в противовес геометризованным контурам городов, возникших уже в пору развития местной античности. В парфянскую эпоху Новую Нису обвели по старому периметру мощной крепостной стеной, фланкированной частыми прямоугольными башнями. Материалом стен служил сырцовый кирпич обычного размера. В нижних участках использовались комбинации сырцовых кладок и пахсы. Стена эта в значительной своей части функционировала в средние века и до XVIII столетия, подвергаясь на протяжении веков неоднократным ремонтам, обкладкам и переделкам, но неизменно сохраняя старую парфянскую основу. Особо был укреплен возвышенный юго-западный участок города; в парфянскую эпоху он играл роль акрополя, в средние века — кухендиза.

Территория крепости и города была, повидимому, чрезвычайно густо застроена и обжита; в местах обнажения или раскопок слоев парфянской эпохи повсеместно отмечаются руины стен из характерного крупного парфянского кирпича-сырца и фрагменты бытовой керамической утвари. В крепости обнаружены остатки больших зернохранилищ (вероятно, провиантских складов, устроенных здесь на случай осады), а также местоположение какого-то административного учреждения или канцелярии, где найдены были остатки разрозненного уже в древности архива писанных тушью на черепках хозяйственных документов.

Судить о характере внутригородской планировки пока не представляется возможным. Однако социальное расслоение городского организма вполне ощутимо. Кварталы городской знати располагались отдельно от мест обитания среднего сословия и бедноты. Жилища их были заключены в пределах цитадели — здесь обнаружены остатки жилых сооружений с обильным, изысканным керамическим материалом, службы и склады с многочисленными хумами для зерна и вин. Аристократические кварталы рас-

---

[1] Данные археологических работ на Нисе в 1946 г. отражены в первом томе «Трудов ЮТАКЭ». Некоторые сведения по работам следующих лет см. ИАН ОИФ, 1950, № 2, стр. 189 сл.; М. Е. Массон, Некоторые новые данные по истории Парфии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 41 сл.

полагались также вне цитадели — к северо-востоку от современной аллеи, идущей от былых крепостных ворот к ныне действующему колодцу. При закладке здесь в 1936 г. шурфа А. А. Марущенко был выявлен богатый археологический инвентарь парфянской эпохи, в том числе пластинки из слоновой кости и перламутра, покрытые высокохудожественной резьбой. В северо-восточной части города близ стены располагался некрополь парфянской знати. В юго-западной размещались постройки средних и низших городских слоев. В 1949 г. здесь начато вскрытие остатков «рядового» парфянского жилого дома, давшего обильный керамический материал, довольно грубый в сравнении с изящной керамикой из верхней крепости или из некрополя. Интересно, что материалом для такого дома служил не тот сырцовый парфянский кирпич, который известен по сооружениям Старой Нисы или руинам домов в цитадели Новой Нисы и некрополе парфянской знати, но пахса. Повидимому, применение сырца, как более трудоемкого в изготовлении материала, было связано со строительством домов для богачей, в то время как широкие слои городского населения использовали более дешевый и простой материал — сырцовые блоки — пахсу. Полы были глинобитные, покрытые плетеной цыновкой «буйрой»; имелись и балочные и сводчатые перекрытия.

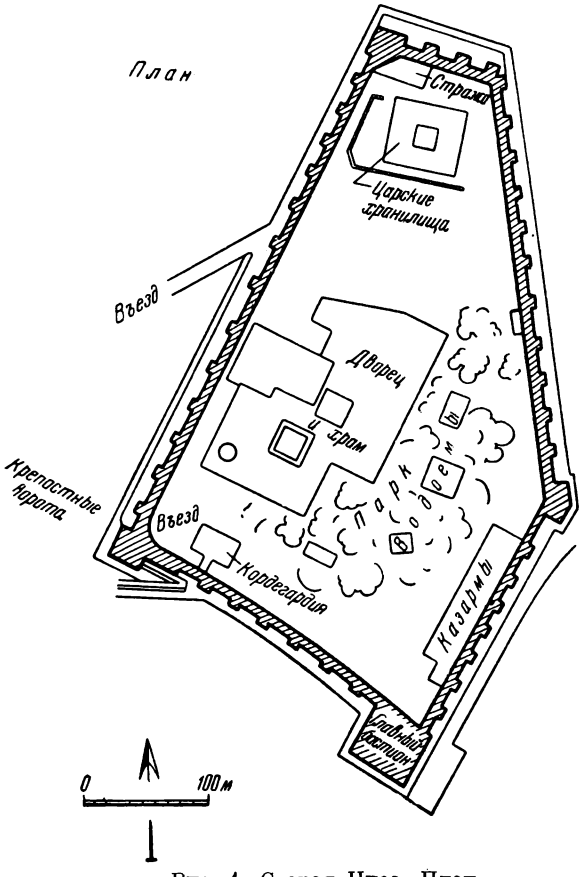

Рис. 1. СтараяНиса. План

При обследовании пригорода Нисы, ныне занятого садами, огородами и постройками селения Багир, кое-где были встречены типичные парфянские массивные каменные базы колонн несохранившихся построек и фрагменты керамики парфянского времени, но далеко не так обильно, как в Новой Нисе. Жизнь была здесь рассредоточена: то были более или менее значительные усадьбы, владельцы которых, используя рабский труд, культивировали садово-огородные культуры, в частности — виноград.

Крепость Старая Ниса представляла собою комплекс особого рода. К нему, как полагает М. Е. Массон, наиболее приложим среднеазиатский термин «курук», примерно соответствующий понятию «заповедник»[1]. То было место обитания самих царей или членов Аршакидской династии. Характерно, что этот комплекс не включен в пределы стены городской округи, но расположен несколько поодаль от нее, чем как бы подчеркивается особый, «запретный» характер курука. Он обнесен мощной кре-

[1] М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, I, стр. 41.

постной стеной и приподнят на возвышенной платформе, отчасти использующей естественный геологический останец, отчасти усиленной массивами глинобитной кладки так, что внутренний уровень на 5—7 м выше относительно внешнего основания стен. Крепость имеет в плане вид пятиугольника, вытянутого с севера на юг; в этом же направлении понижаются ее геодезические отметки. Она обведена стеной, фланкированной близко расположенными 43 прямоугольными башнями, размеры которых варьируют от 4—5 м до 20—35 м (бастионы на стыке углов) при ширине куртин до 25—30 м.

Материалом наружных обкладок стен служит тот же, что и на Новой Нисе, крупноплиточный квадратный сырцовый кирпич на глиняном растворе; однако основной массив выведен из сбитой глины-пахсы. Стены выложены с обычным для сырцового строительства откосом около 75°; толща их достигает у основания 8—9 м, в верхней части — 3—3,5 м, первоначальная высота — до 15—18 м, высота башен — до 20—23 м. Башни заключали внутренние камеры, особенно значительные в угловых бастионах, игравших роль главных узлов обороны. Не исключена возможность существования проходов в толще самих стен; установить это смогут лишь раскопки. Наиболее укреплен был короткий северный фас крепости, фланкированный тремя мощными башнями, одна из которых сопрягается на северо-западном углу со смежной башней западного фаса в виде «ласточкина хвоста» — прием, широко применявшийся в античной фортификации Хорезма (крепости Аяз-кала № 1, Кургашин-кала, Базар-кала и др.)[1]. Южный бастион, судя по микрорельефу, заключал в себе целую группу помещений и, видимо, играл роль главного наблюдательного пункта против врага, наступление которого могло осуществляться от предгорий на юго-востоке.

Работами 1949 г. был уточнен вопрос о местоположении крепостных ворот, всегда представлявших наиболее уязвимое, а потому и наиболее ответственное звено обороны. Ворот в Старой Нисе было не трое и не двое, как предполагалось прежде, но одни. Первоначально (в III—I вв. до н. э.) они располагались у упомянутого южного бастиона; подступ к ним осуществлялся посредством пандуса протяжением до 200 м, тянувшегося вдоль юго-восточной стены.

В первых веках нашей эры на Старой Нисе, наряду со значительным архитектурным строительством, видимо, происходили отмеченные раскопками 1946 г. работы по восстановлению и укреплению крепостных стен. В этот-то период и произошло перемещение крепостных ворот в юго-западный угол крепости. Здесь ясно прослеживается тянущийся почти на 280 м вдоль западного фаса длинный, узкий пандус, который вверху упирается в выступ мощного углового сооружения, сочетавшего в себе функции бастиона и внутривратного проезда-лабиринта, может быть, аналогичного тем, что отмечены в архитектуре крепостных ворот хорезмских крепостей (Джанбас-кала, Топрак-кала и др.). Размещение длинных пандусов вдоль линии стен соответствует одному из правил древней полиоркетики, сформулированному Витрувием (I, 5, 2). Соблюдение его ставило врага под усиленную атаку защитников крепости на длинном протяжении узкого ската, причем в случае отступления стояла дилемма — либо удаляться по самому пандусу, либо прыгать вниз с 5—7-метровой высоты. Характерно, что в Старой Нисе пандус до высоты 3—3,5 м идет сначала наискось к середине западного фаса и лишь затем тянется на 280 м вдоль него, повышаясь еще на такую же величину.

Другой особенностью фортификации Старой Нисы является некоторый выступ ее платформы по всему периметру стен и башен на высоте 3—4 м от подошвы. Это препятствовало разрушению стен стенобитными орудиями. У подножья крепости они могли бы долбить лишь монолит платформы, поднять их к упомянутому выступу было затруднительно, а сам он не только не давал возможности свободного маневрирования громоздким таранам, но и подвергал последние опасности быть подбитыми и опрокинутыми ударами бревенчатых талей, спускаемых сверху на канатах.

Детальное изучение крепостной архитектуры Старой Нисы позволило предло-

[1] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 102 сл.

жить графическую реставрацию ее первоначального облика[1]. Среди отдельных элементов этой архитектуры заслуживает упоминания тип ее бойниц. Они располагались в верхней части башен, заключавших внутренние помещения, и стен, оборона которых осуществлялась с верхней площадки, ограниченной зубчатым парапетом. Раскопками 1946 г. была выявлена также целая группа л о ж н ы х стреловидных бойниц в верхней части платформы[2]. Устройству последних можно дать следующее истолкование: кое-где внутри платформы, очевидно, располагались потайные камеры, в которых отсиживались особенно меткие парфянские стрелки, но для их маскировки многие десятки ложных бойниц были устроены по всему периметру крепости.

Объем раскопок, проводившихся на Старой Нисе, уже исчисляется тысячами кубометров, однако он еще слишком мал, чтобы дать четкую картину всего города.

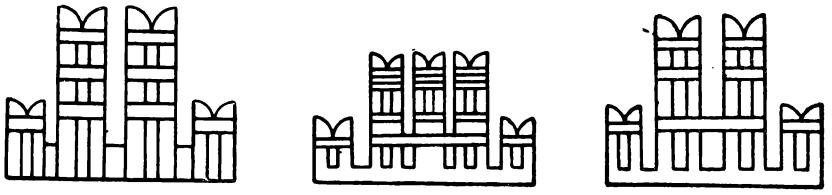

Рис. 2. Изображение крепости на парфянских монетах

Мы можем отметить лишь основные данные о размещении археологических остатков на городище. Наиболее значительный так называемый южный комплекс заключает группу дворцовых помещений и храмовых построек; те и другие имеют множество подсобных помещений, связующих коридоров, открытых двориков и хозяйственных комнат. Значительно меньший северный комплекс, видимо, представлял собой культовый ансамбль. Другие менее значительные всхолмления обозначают местоположение былых построек. Одно из них во внутреннем, юго-западном углу крепости, у массива главных ворот, несомненно, было продолжением лабиринта-въезда. Вдоль внутреннего фаса юго-восточной стены скорее всего располагались казармы личной гвардии царя. В северном углу крепости, неподалеку от северного комплекса, видимо, располагались постройки для обслуживающего персонала.

В средней части крепости три глубокие ямы, несомненно, представляют собой остатки былых водоемов. Особенно значителен средний, квадратной формы, площадью около 400 м² при глубине до 4,5 м. Проблема снабжения крепости водой стояла очень остро с момента ее сооружения. Потребность в воде была значительна не только в виду возможной осады, но и в обычных условиях мирного пребывания. Вода, повидимому, подводилась под крепость на значительной глубине кяризом.

Крепостная архитектура Нисы носит характер величавой мощи, вполне соответствующей значению могущественного народа, перед которым бесславно отступали римские легионы. Не исключена возможность, что именно Ниса, родовая резиденция Аршакидов, выбита на обороте некоторых групп монет Орода I, Фраата IV и Пакора II[3]. Изображения, разумеется, чрезвычайно условны, но в них нетрудно распознать высокую платформу и возвышающиеся над стенами прямые башни, увенчанные зубцами.

Очень любопытным памятником парфянского изобразительного искусства является часть терракотовой плиты, найденной в раскопе у северо-западного участка крепост-

[1] Детальное обоснование графической реставрации крепости содержится в нашей статье «К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы», Известия АН Туркм. ССР, 1951, № 3.

[2] В. А. Л е в и н а, Стена и башня Старой Нисы, Труды ЮТАКЭ, I, стр. 140.

[3] См. E. H e r z f e l d, Iran in the Ancient East, L., 1941, fig. 395.

ной стены Новой Нисы в 1949 г. На ней, в невысоком рельефе вырезан угол крепостной стены (или башни), увенчанной крупными прямоугольными зубцами, из-за которых выступает парфянский воин в шлеме, изображенный в профиль влево; правее сохранилась рука второго воина, как бы замахивающегося дротиком. Не затрагивая иконографических деталей этой сцены, анализу которых посвящена специальная работа М. И. Вязьмитиной, отметим лишь одну очень интересную деталь: украшение сохранившегося зубца круглым диском, со следами легкой, полустертой орнаментации. Вероятнее всего — это имитация умбонов, может быть, тех щитов, захваченных в качестве военных трофеев, которые, как бы в назидание и в устрашение, набивались на стены крепости; возможно, что им придавался и магический смысл отвращения зла.

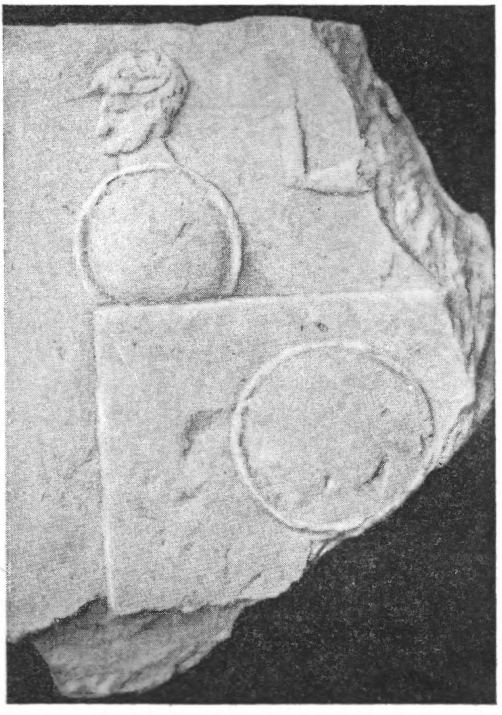

Рис. 3. Изображение на терракотовой плите из новой Нисы

Украшение стен круглыми дисками известно уже в памятниках древней архитектуры Ближнего Востока — таков был, например, храм урартийцев в Мусасире, разграбленный и уничтоженный ассирийцами в VIII в. до н. э. Пережитки этого мотива, имеющего, несомненно, местное происхождение, отмечаются в строительстве Средней Азии и Ирана на ряде памятников III—VII вв. н. э. Крупные терракотовые диски, украшенные несложной штампованной рельефной орнаментацией, были обнаружены В А. Шишкиным при раскопках Варахшского дворца; многие десятки подобных терракотовых дисков, но значительно меньшего диаметра, были собраны М. Е. Массоном при раскопках в Джамбуле (древний Тараз); они принадлежали зданию дворца или замка VI в. Аналогичные диски найдены были А. Н. Бернштамом в Сукулуке, А. И. Тереножкиным — в Ак-тепе под Ташкентом и т. д.[1] Представление о первоначальном размещении подобных дисков дает известное изображение замка на Аниковском блюде Гос. Эрмитажа: они оформляют здесь как бы фриз под зубчатым парапетом. Именно такое фризообразное размещение круглых орнаментированных дисков под зубцами отмечается в некоторых памятниках сасанидского зодчества: в памятнике Нарсе в Пайкули и стуковом декоре из раскопок Таки-Кесра[2]. Приведенные примеры наглядно подтверждают, что, если уже в парфянскую эпоху крупные диски, имитировавшие умбоны, украшали участки стен, то позднее мотив этот приобретает чисто декоративное выражение, превращаясь в элемент архитектурного убранства верха стен, с утратой первоначального смыслового и магического характера.

Согласно данным ЮТАКЭ за 1947 и 1949 гг., повидимому, парфянской в основе

[1] О применении и эволюции орнаментированных терракотовых дисков в архитектуре Средней Азии см. нашу статью: «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах». Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950, стр. 16 сл.,

[2] O. Reuther, Sasanian Architecture, I, 1939, fig. 144a, 145, стр. 522.

следует признать крепость Койне-Каахка, расположенную в 6 км от ж.-д. станции Каахка[1]. Она соответствует упоминаемой Исидором Харакским Апаварктике, главному городу области Апаварктикены, непосредственно следующей в его дорожнике за Парфиеной. Имеющая форму не вполне правильного четырехугольника (размеры длинных сторон — 700 и 650 м, коротких — 550 и 450 м), территория Койне-Каахки обведена мощной линией стен, сложенных из крупного кирпича «парфянского» стандарта. Стены фланкированы прямоугольными башнями на расстоянии 40—50 м друг от друга; особенно значительные башни размещены на углах крепости. На одной из стен, поверху наружного фаса, сохранились узкие стреловидные бойницы. В центре юго-западного фаса сохранились ворота, укрепленные двумя башнями. Внутри терри-

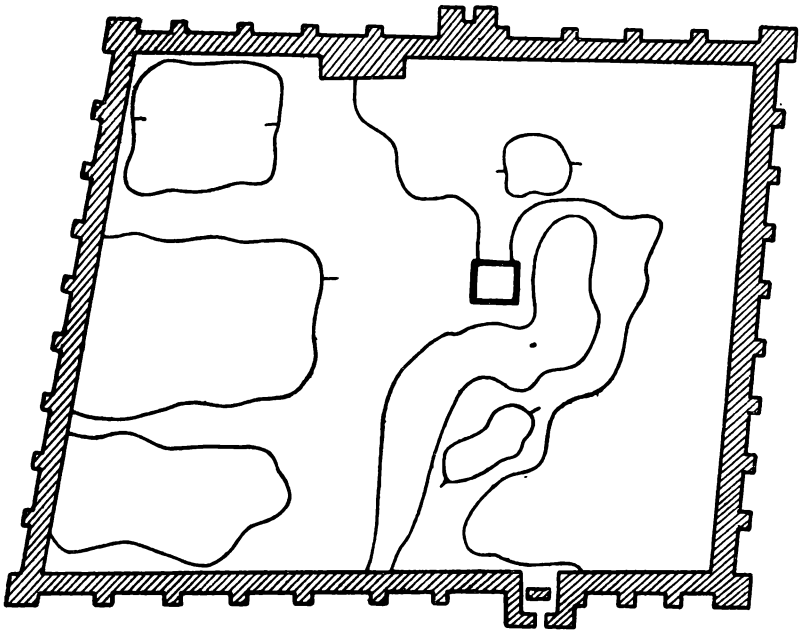

Рис. 4. Крепость Чильбурдж. План

тория частично содержит значительные всхолмления былых сооружений. Крупный холм высится у середины городища; видимо, это остатки замка владетеля. Подъемный керамический материал дает формы, типичные как для парфянской эпохи, так и для последующего времени до VI—VII вв. н. э. Запустение крепости, видимо, связано с арабским завоеванием, после которого жизнь переместилась к западу, где начал слагаться средневековый Абиверд (ныне городище Пештаг).

Интереснейшим памятником поздне-парфянского строительства в Маргиане являются обследованные в 1950 г. развалины городища Чильбурдж в 40 км северо-западнее древнего Мерва. Заброшенное уже в древности, оно сохранило свои стены на высоту до 13—15 м. Крепость стоит на равнине. Она четырехугольна в плане (длинные стороны по 260 и 230 м, а короткие по 200 м). Стены фланкированы множеством башен. Расстояние между ними до 17—20 м, общее число достигает 39. Числу этих башен крепость обязана своим наименованием («Чильбурдж» — «Сорокабашенная»). Один из фасов ее ориентирован строго по линии север — юг; три остальных несколько отклоняются от направления стран света. На двух фасах размещены ворота: в северном — посередине сте-

[1] Койне-Каахка обследовалась в 1928 г. Хаверанской экспедицией Туркменкульта. см. А. А. Семенов, Древности Абивердского района, Труды САГУ, сер. II. Orientalia, вып. 3, Ташкент, 1931, стр. 24—26.

ны, в южном — ближе к юго-восточному углу. Возможно, что так же, как на Старой Нисе, они функционировали в разные периоды.

В основании стен проходит высокая (7,70 м) платформа, сложенная из пахсы, с значительным откосом граней. Высота рядов пахсы — 90 см. У башен та же платформа выведена из пахсы на 5,20 м, а выше на 1,50 м сложена из сырца размером 36 × 36 × 8 см. Кладка самих стен и башен осуществлена из квадратного сырцового кирпича, почти без откоса кладки. Башни шириной в 5 м выступают на 5,40 м из толщи стен. Углы крепости закреплены мощными квадратными бастионами размером в основании до 14 м.

Отрезки стен между башнями заключают внутристенные проходы шириной 1,30 м, трижды уширяющиеся, наподобие небольших камер, предназначенных для стрелка; каждая из них имеет по бойнице. Внутристенные проходы тянутся от башни к башне, в каждой из которых расположено узкое двухметровое помещение, перекрытое очень вытянутым эллиптическим сырцовым сводом — «отрезками». В каждой из трех сторон этого помещения имеется по одной бойнице. Все бойницы узкие, щелевидные, с сильно скошенной нижней гранью, рассчитанные на навесной бой.

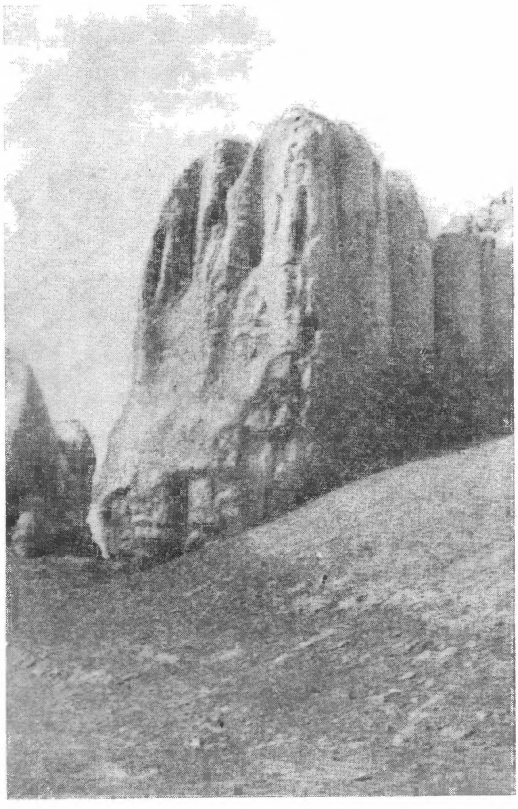

Рис. 5. Чильбурдж. Башня

Наружное оформление фасадов Чильбурджа исключительно интересно. Каждый участок стены между башнями снабжен двумя прямоугольными неглубокими нишами, которые в плане соответствуют коридорообразным отрезкам внутристенных проходов, связывающих между собою камеры стрелков. Фактически число подлинных бойниц в межбашенном пролете стены ограничивается тремя. А между тем по фасаду их не три, а 17 (все остальные — ложные), притом расположенных в два яруса.

Совершенно оригинально архитектурное решение прямоугольных башен Чильбурджа. Они оформлены по каждой стороне тремя полуколонками, но не сближенными вплотную, как в «гофрированных» кёшках среднеазиатского средневековья, а разделенными незначительными промежутками. В ряде случаев в промежутках между двумя гофрами на боковых гранях башен расположены подлинные, идущие в плане несколько наискось, отвесные бойницы, через которые из внутрибашенной камеры осуществлялся обстрел; третья, настоящая бойница лежит обычно на оси средней гофры фасадной грани башни. Между тем число ложных бойниц на башнях не менее значительно, чем на стенах. Они также распределены в два яруса и размещены: по одной в межгофровых промежутках, по три на каждой полугофре, по четыре на каждой угловой гофре, имеющей сечение трехчетвертного столба. Всего, таким образом, на каждой башне по 31 бойнице, из них лишь три подлинных, остальные ложные. Все эти ложные бойницы стен и башен имели чисто психологическое назначение, создавая у врага иллюзию угрожающего ему сплошного обстрела из бесчисленных бойниц.

Сооружения ворот выступают относительно стен на 15—18 м в виде мощных прямоугольных сооружений. Устройство южных ворот прослеживается довольно четко. Въезд расположен посередине предвратной постройки, пространство же внутри нее разгорожено отрезком поперечной стены, как бы создающей преграду движению и разделяющей его на два русла. Внутривратное пространство представляло, таким образом, отсек-ловушку, в которой прорвавшийся враг не смог бы свободно маневрировать, сам подвергаясь ожесточенной атаке защитников крепости.

Угловые бурджи имеют гладкие, с откосом кладки стены; на северо-восточной ясно видна как бы облицовка ее толщи дополнительной рубашкой — может быть, ре-

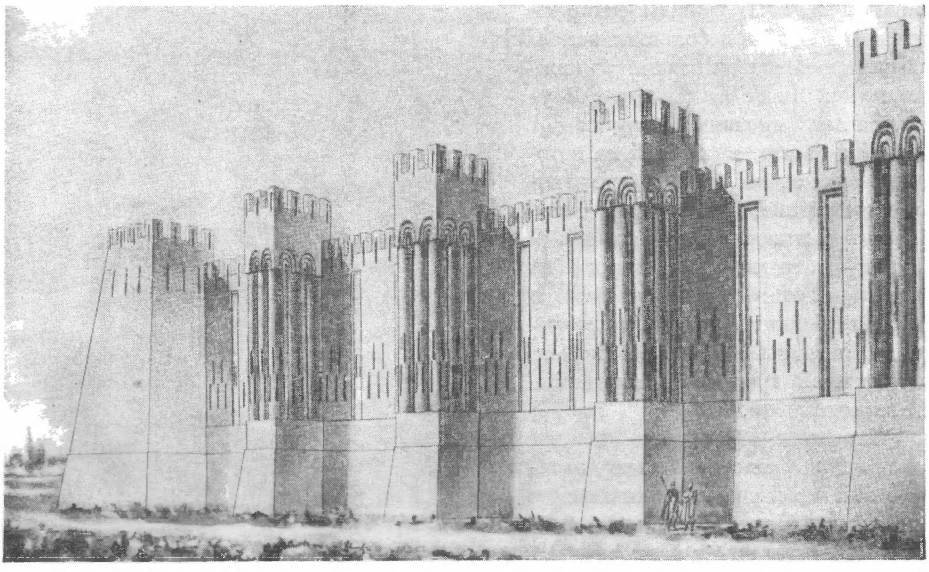

Рис. 6. Чильбурдж. Часть крепостной стены (реставрация)

зультат одной из обкладок, сопутствовавшей какой-то перестройке или ремонту. Планировка пространства внутри городища не могла быть уточнена во время разведки.

Вопрос о датировке Чильбурджа разрешается на основании подъемного археологического материала. Основная насыщающая его керамика безглазурная, сделанная на гончарном круге, типологически близкая к той, которая вскрыта была в 1950 г. на Гяур-кале (античный Мерв) в слоях II—III вв. н. э. Из четырех поднятых на Чильбурдже медных монет три оказались парфянскими, притом позднего чекана. Ту же дату дает плоская женская терракотовая фигурка «Анахиты-Нанайи» в характерном платье, украшенном множеством круглых бляшек,— тип, который широко представлен находками на Гяур-кале[1]. Итак, Чильбурдж — памятник поздней Парфии (II—III вв. н. э.), видимо, существовавший еще в IV, может быть, даже в V вв., в период кризиса и крушения рабовладельческого общества в Южном Туркменистане. Этот кризис протекал в рамках сасанидского государства и имел последствием, как и в других районах Средней Азии, упадок ирригационных систем и сокращение земледельческих областей, когда Чильбурдж остался в зоне надвигающихся песков.

С точки зрения архитектурной Чильбурдж исключительно интересен. Сохраняя традиционный для парфянского крепостного строительства характер стен, фланкированных часто расположенными башнями, и принцип антично-среднеазиатской форти-

[1] См. Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ, I, стр. 344 сл.

фикации ворот в виде выдвинутого предвратного сооружения с усложненными коленчатыми проходами внутри него, Чильбурдж дает самый ранний пример использования специфической для среднеазиатского средневековья «гофрировки» стенных поверхностей.

Парфянские крепости Южного Туркменистана — выразительные памятники местного самобытного зодчества. В них виден процесс развития фортификационного искусства, выработавшего своеобразные принципы, связанные с особенностями как природных условий, строительных материалов, уровня техники, так и того социального уклада, в рамках которого эти крепости были созданы. Памятники эти побуждают нас вспомнить пророческие слова академика В. В. Бартольда, сказанные им около 30 лет назад в его полемике с Герцфельдом и Сжиговским: «Пока не найдено никаких парфянских или сакских сооружений на родине этих народов, трудно было бы объяснить происхождение тех памятников, которые были сооружены при Аршакидах в завоеванных ими областях, и тех черт, которыми эти памятники отличаются от ахеменидских»[1]. Памятники Южного Туркменистана, созданные исконными парфянами на их родине, объясняют многие принципы западнопарфянского крепостного строительства, сохраненные здесь, несмотря на близость римских границ и знакомство с римской строительной культурой. Так, стены Хатры[2] и первоначальные стены Дура-Эвропос[3] выстроены из сбитой глины и сырцового кирпича на глиняном растворе, а не из камня на известковом растворе. Башни их размещены на коротких отрезках и имеют прямоугольную форму, в то время как уже в трактате Витрувия (I. 5, 5) настоятельно рекомендуется строительство башен полукруглых, как более рациональных. Стреловидные бойницы, широко представленные в архитектурном декоре парфянских сооружений Ближнего Востока, в стенах Гяур-калы и Старой Нисы имеют свой конструктивный прообраз. Архитектурное решение Чильбурджа является прототипом сырцовых стен и башен Истахра (первая половина III в. н. э.), своеобразный характер которых привел Э. Герцфельда к заключению об отсутствии аналогий для этой постройки раннесасанидского времени[4].

Нет сомнений, что разгадка многих явлений парфянской художественной культуры лежит в областях коренной Парфии. Исследования, проводимые ЮТАКЭ на территории Южного Туркменистана, ежегодно подтверждают это на новом и новом вещественном материале.

Г. А. Пугаченкова

ХЕРСОНЕССКИЕ ВИНОДЕЛЬНИ

В 1947 г. в Херсонесе были открыты две винодельни, относящиеся к первым векам нашей эры. Это первые винодельни, засвидетельствованные археологическими исследованиями в самом городе. До сих пор были известны лишь отдельные тарапаны — плиты с желобком по краю и со сливом на одной стороне, из окрестностей Херсонеса, на Гераклейском полуострове, а также с берегов Стрелецкой и Камышевой бухт, Херсонесского мыса (раскопки Н. М. Печенкина в 1910 г.[5]), балки Бермана. В этой балке в 1928—1929 гг. было найдено несколько тарапанов, один из которых имел вид длин-

[1] В. В. Бартольд, Восточноиранский вопрос, ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 36.

[2] См. G. Rowlinson, The Sixth Great Oriental Monarchy, L., 1873, стр. 374.

[3] См. A. von Gerkan, The Fortifications, Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of the 7—8 th Seasons of Work. New-Haven, 1939. Обкладка сырцовых стен и башен Дура-Эвропос камнем имела место лишь в конце I в. до н. э.

[4] E. Herzfeld. ук. соч., стр. 276.

[5] ИАК, вып. 42, стр. 111, рис. 1.

пились Тиграном II, а серебряные — всеми последующими царями династии Арташесидов.

Приведенные факты свидетельствуют о более высоком уровне материального производства, следовательно, и экономической базы Армянского эллинистического государства, чем это представляется обычно.

Чрезвычайно важным является еще одно обстоятельство, а именно, что дошедшим до нас памятникам материальной культуры древней Армении присущи черты, характерные для эллинистической рабовладельческой культуры. Мы не замечаем решительно ничего напоминающего черты феодальной культуры в памятниках древней Армении вплоть до IV в. н. э. Данная особенность подчеркивает принадлежность античной культуры Закавказья рабовладельческому обществу. Это, конечно, важное обстоятельство, требующее пристального внимания, но более важным является конкретное изучение особенностей и самобытных черт культуры каждого народа. Ведь известно, что буржуазные ученые (напр., Ростовцев, Тарн) культуру всех эллинистических стран рассматривают как нечто единое. Они игнорируют важность изучения особенностей культуры, созданной каждым народом, каждой этнической группой. Если же культуры стран Закавказья выявляют отклонения от общей линии, от принятой ими схемы, то буржуазные ученые легко отделываются от них, исключая Закавказье из круга эллинистических стран. Такой пренебрежительный и формальный подход к вопросу должен быть решительно отвергнут.

Каждая страна, входившая в круг эллинистических стран, развивала свою собственную культуру, которая не только была связана с культурами других эллинистических стран общими для всех чертами, но и отличалась от них присущими ей одной специфическими чертами. Эти последние и определяют основной вклад каждого народа в сокровищницу эллинистической культуры; следовательно, на них должно быть обращено особое внимание. Только в таком случае эллинистическая культура приобретает более конкретные, более ясные и осязаемые черты, только этим путем можно будет изжить вульгарную концепцию о влияниях и заимствованиях, уточнить общие закономерности развития эллинистического общества и его культуры, выявить специфические особенности закономерностей развития общества и культуры каждой конкретной страны в античный период. Следует отметить, что проделанная нами в этом направлении работа еще далеко не удовлетворительна, можно сказать, она только начинается.

Б. Н. Аракелян

ХРАМ И НЕКРОПОЛЬ В ПАРФЯНСКОЙ НИСЕ

(Из работ ЮТАКЭ)

В северо-западной части городища Новая Ниса в 1936 г. при выемке грунта обнажились остатки строений, которые были расчищены в том же году А. А. Марущенко. Зачистки выявили участок стены, остатки погребальной камеры I в. до н. э. и следы штукатурок, как бы отпечатавшихся на поверхности смежных кладок. Раскопками 1946—1949 гг. здесь была вскрыта целая группа сооружений, относившихся к заупокойному культу парфянской аристократии и установлено наличие нескольких этапов застройки ансамбля в пределах парфянского времени[1].

[1] См. М. И. Вязьмитина, Археологическое изучение городища Новая Ниса (Труды ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 147 сл.).

Самым ранним являлось сооружение, которое своим тыльным фасадом непосредственно примыкало к кладкам крепостной стены древней Нисы. По археологическим и стилевым данным установлено, что постройка воздвигнута была около III—II вв. до н. э., что уж к I в. до н. э. она пришла в упадок, была частично разрушена и обстроена или перекрыта погребальными камерами парфянского некрополя, уровень полов которых на 1,5—2.5 м выше ее основания.

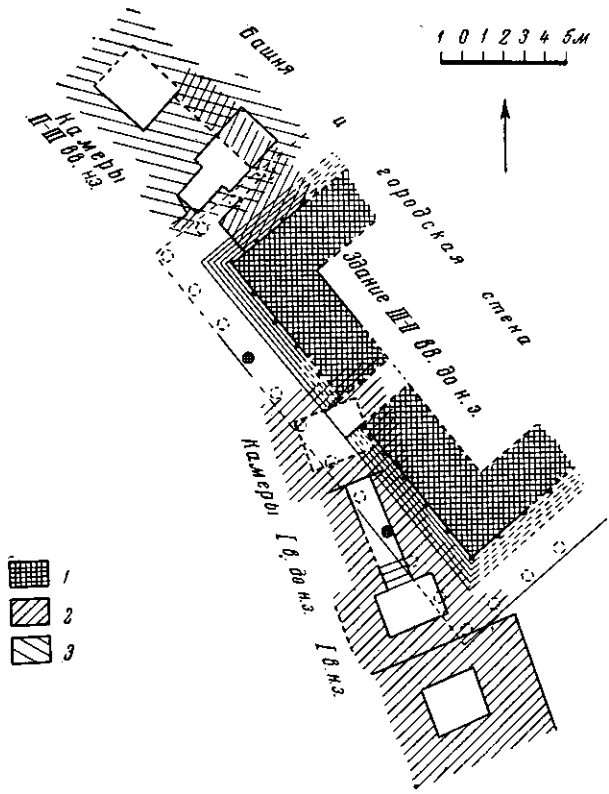

Рис. 1. План остатков сооружений парфянского некрополя в северо-восточной части городища Новая Иисса. Условные обозначения: *1* — сооружения III—II вв. до н. э.; *2* — сооружения I в. до н. э.— I в. н. э.; *3* — сооружения II— III вв. н. э.

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность руин, сохранившихся лишь в виде отдельных участков архитекутры[1], в одном случае — в виде отпечатка стены на когда-то пристроенной к ней вплотную сырцовой кладке, детальное изучение позволило восстановить в графической реставрации первоначальный вид этого памятника и составить суждение о его архитектурном стиле (рис. 1).

Как показали раскопки, здание стояло впритык к крепостной стене города, в сторону которого оно было обращено главным фасадом. Сооружение покоилось на платформе высотою 80 см, возведенной из сырцовых кирпичей (40 × 40 × 12 см), сложенных на глиняном растворе и оштукатуренных глиной. Платформа была на 2,5 м вынесена относительно стен, пролет ее по главному фасаду равнялся 23 м. На сохранившихся участках обнаружены базы; ось их строго параллельна стене. Базы эти принадлежали колонному портику (айвану), наличие которого объясняет значитель-

[1] Во время землетрясения 6 октября 1948 г. рухнули последние немногочисленные остатки стен этого сооружения, сохранявшихся на значительную высоту.

ный относ платформы относительно стен. Одна из баз сложена из типичного парфянского обожженого кирпича на растворе, оштукатурена алебастром и имеет форму крупного тора. Другая (сохранилась наполовину) имеет тот же торовидный профиль, но представляет собою блок зеленовато-серого песчаника, также со следами штукатурки на поверхности. Диаметр баз — 48 см, высота — 24 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для архитектуры парфянской Нисы. Установлено, что обычно их применяли как в камне, так и в обожженном кирпиче, нередко в пределах одной и той же постройки. Они отмечены в помещениях и дворовых портиках Северного дома Старой Нисы. Большое число каменных баз было собрано на территории нисийского пригорода. Иногда базы имеют вид простого тора, с маленькой полочкой наверху. Нередко тор покоится на одинарном квадратном плинте, иногда — на уступчатом. Материалом баз, помимо кирпича, служит камень местных копетдагских пород — зеленоватый или серый песчаник. Диаметр баз — от 40 до 90 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для азиатского круга древних архитектур. Подобные базы обнаружены во дворце Ашшурбанипала в Куюнджике и отмечены в изображениях колонн на ассирийских рельефах; они известны в скальных гробницах Пафлагонии; к ним типологически восходит так называемая «мидийская» база (Да-и-духтар, сер. VII в. до н. э.), в которой тор, однако, имеет сильно сплющенную форму. Они встречаются в ахеменидских постройках Пасаргад и Нашхи-Рустема. В парфянском зодчестве торовидные базы употреблены в храме Хурра, датируемом III в. до н. э.; аналогичны им базы колонн на фресках Дура-Европос. Торовидные базы встречаются и в ранне-буддийской архитектуре первых веков до н. э. и после н. э. (ср. чаитьи Карли, Насика и др.). За последние годы местонахождение торовидных баз установлено также в архитектуре государства Кушан и в Согде. Таковы торовидные базы из находок в Хадде, в Термезе, в Китабе, в постройках предарабского времени в Пенджикенте. Парфянская Ниса — лишь одно из многих мест распространения этого типа баз.

Генезис торовидных баз, дающих прием простейшей обработки каменного блока, безусловно, восходит к камню, как исходному материалу, и имеет стародавнее местное происхождение, причем употребление торовидных баз связано было с деревянными стойками. Каменные подушки подводились под деревянную опору, чтобы предохранить ее от непосредственного соприкосновения с землей и загнивания. Пережитком стародавней традиционной формы тора мы склонны считать шаровидный элемент («кузаги»), присущий среднеазиатским колоннам с эпохи средневековья и до последних дней. В колонном портике рассматриваемого здания Новой Нисы, а также в колоннадах северного комплекса Старой Нисы налицо одновременное употребление каменных и кирпичных баз, причем последние сохраняют форму тора. Кирпичам еще до обжига придавалась лекальная форма, повторяющая вчерне форму тора. База выкладывалась из двух рядов кирпича, оштукатуренных ганчем, по которому осуществлялась точная корректировка профиля.

Сами стойки рассматриваемого портика были деревянными. Число их по главному фасаду выясняется на основании сохранившихся баз, а также по несомненности расположения на углах платформы по одной колонне и по нечетному числу интерколумниев, поскольку на средней оси располагался дверной проход. При этих условиях устанавливается единственно возможное число — 12 колонн, при расстоянии между осями до двух метров. Высота портика выясняется благодаря наличию в кладке стены неглубоких гнезд от деревянных балок его плоского перекрытия.

Оформление стены очень своеобразно. Она как бы расчленена на две половины. Нижняя, высотою 2,6 м, представляет собою род сильно развитой панели. Архитектурное оформление ее включает пятиступенчатое основание, полуколонки с капителями, вырезанными на плоской терракотовой плитке, и горизонтальную полосу фриза. Стена оштукатурена двойным слоем глины (толщиною в 2 и 1,5 см) и особым розоватым раствором алебастра, с примесью крупногалечного песка, битой красноватой керамики и жженого кирпича и окрашена в основной плоскости в малиново-красный цвет, с залощенной поверхностью. Употребление раствора, изготовленного на толченом кирпиче, настоятельно рекомендуется Витрувием с тем, чтобы оштукатуренные части стен

не подвергались воздействию сырости (Витрувий, VII, 4, 1), что имело немаловажное значение при отделке наружных стен. Подобная штукатурка создавала в новописийском здании также хороший грунт для окраски в красный цвет. Употребление последнего, по Витрувию, наиболее целесообразно в закрытых комнатах, так как под воздействием солнечных лучей киноварь портится и темнеет. Для сохранения наружных красных штукатурок Витрувий предлагает способ покрытия их воском и деревянным маслом (Витрувий, VII, 10, 2—4). Лощение красных штукатурок в зданиях из Нисы, возможно, осуществлялось каким-то аналогичным способом. Если здесь и не употреблялась энкаустика, то во всяком случае применено было втирание жиров и механическое лощение. Остатки красных штукатурок из Нисы сохранили до наших дней чистоту окраски и мягкий блеск поверхности (рис. 2).

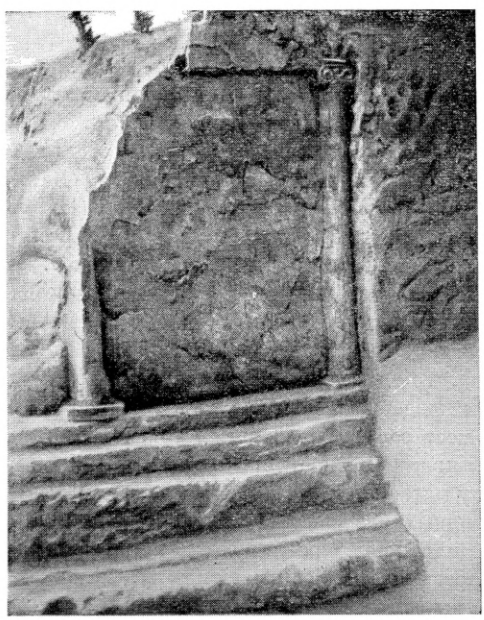

Рис. 2. Часть «красной стены»

Ступени, базы и стволы полуколонн, оформляющих «красную стену», окрашены в черный цвет, капители — в красный. Над ними тянется плоская черная полоса слегка выступающего антаблемента. Верхняя часть стены, возвышавшаяся над плоским перекрытием портика, была оштукатурена белым алебастром. Высота ее над гнездами балок достигала в максимально сохранившемся участке 2,5 м; повидимому, первоначально она была по крайней мере вдвое больше.

Красная стенка первого яруса стоит на ступенчатом основании. Колонки же ее прямо восходят к восточному прототипу ионийского ордера. Высота полуколонок равна 1,7 м при диаметре 15,5 см. Ствол прямой, базой служит простой плинт. Капители вырезаны на плоской терракотовой плитке размерами 23 × 13 × 3,5 см. Все они выполнены по одному образцу, но резаны индивидуально, от руки, а потому несколько отличны. Лицевая поверхность была покрыта красным ангобом. Прикрепление осуществлялось на глиняном растворе и на двух штырях, для которых в плитке высверлены отверстия. На плитке отформована горельефная капитель ионического типа, с невысоким трапециевидным абаком, с упругой подушкой и троекратным раствором спиралей волют от круглого вдавленного глазка; в центре ее— восьмилепестковая розетка.

Употребление «праионийских» капителей устанавливается уже в архитектуре Ассирии (изображение колонн на рельефах). Применение их отмечено также в мидийском и ахеменидском монументальном зодчестве (колоны Кыз-капана и Да-и-духтара, датируемые VII—VI вв. до н. э.). Источник «восточной ионики» лежит в самостоятельном формотворчестве, восходящем к очень древним и крайне устойчивым формам народного деревянного строительства. Характерно, что в народной жилой архитектуре туркменского племени мурчали подбалки деревянных колонн доныне пережиточно сохранили форму «праионических» капителей — с волютами, вырезанными на лицевых поверхностях и баллюстрами на боковых.

Появление капителей ионийского типа в парфянском строительстве было обусловлено их стародавним азиатским происхождением, а не участием греческих специалистов[1]. Памятники парфянской ионики многочисленны: таковы, например,

[1] Мы уже указывали на неправильность мнения Э. Херцфельда (E. Herzfeld,

капители колонн храма из Хурра (III в. до н. э.), из Варки и Ашшура (I—II вв. н. э.). В Варке установлено два варианта капителей — со сложноспиральными волютами (аналогичными капителям из Хурра) и с упрощенными завитками их[1]. В настенных колоннах дворца в Ашшуре, капители которых выполнены по стука, волюты представляют род боковых налепов, поддерживающих относ уступчатого абака. Все эти памятники показывают, что в этом элементе колонны сказывается радикальная переработка ионизированной капители в духе древней традиции строительства местного населения в парфянскую и ахеменидскую пору. Оформление стен полуколоннами, перерабаты-

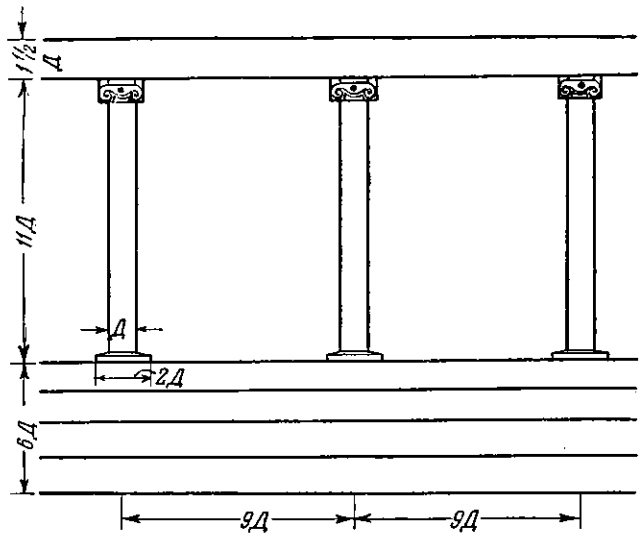

Рис. 3. Анализ пропорций «красной стены» (— модуль, равный диаметру полуколонны — 15,5 см)

вающими в локальных вариантах мотивы классических ордеров, отмечается в ряде памятников парфянской архитектуры (ср. храм в Варке[2], некоторые сооружения Хатры[3]).

Интересно отметить, что по общему стилю «ордер» красной стены повонисийского здания близок к колоннаде пятиколонного ионического храма, изображенного на керченском надгробии[4], а методы раскраски архитектурных поверхностей здания в Новой Нисе близки к росписи античных склепов Северного Причерноморья. В этой связи уместно подчеркнуть уже отмечавшуюся в литературе близость стиля керченских катакомб I—II вв. н. э. и парфянских погребальных камер Пальмиры[5].

В «красной стенке» здания из Новой Нисы устанавливается наличие определенных модульных соотношений, причем модулем является диаметр полуколонн, который укладывается 11 раз по высоте колонны, 8 раз в интерколумнии, 6 раз по высоте ступенчатого стереобата (рис. 3). Важно подчеркнуть чрезвычайную стройность колонн (1 : 11), значительно превосходящих нормы ионического ордера греко-римской архи-

---

Iran in the ancient East, стр. 305—306), который считает парфянскую ионику результатом дегенерации греческих архитектурных форм («Труды» ЮТАКЭ, I, стр. 233—234).

[1] O. Reuther, Parthian architecture. «A Survey of Persian Art» (SPA), I, London — New York, 1938, стр. 93.

[2] J. Jordan, Uruk-Warka, Leipzig, 1928, рис. 30.

[3] W. Andrae, Hatra, Leipzig, 1908—1912, I, рис. 123—126.

[4] Л. П. Харко, О пятиколонном храме, изображенном на Боспорских монетах II в., ВДИ, 1950, № 1, стр. 203—205.

[5] E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 308.

тектуры. Объясняется это не декоративным характером пристенных полуколонн, но приверженностью к местной традиции стройных колонн, которым присущи пропорции деревянных стоек. Характерно, что соотношения каменных колонн парфянского храма в Хурра дают аналогичные нормы — 1 : 11. Та же связь с деревянным прототипом объясняет и очень просторный интерколумний настенной колоннады здания из Новой Нисы.

При восстановлении несохранившихся архитектурных деталей на чертеже графической реставрации главного фасада пришлось руководствоваться некоторыми косвенными данными и стилевыми аналогиями (рис. 4).

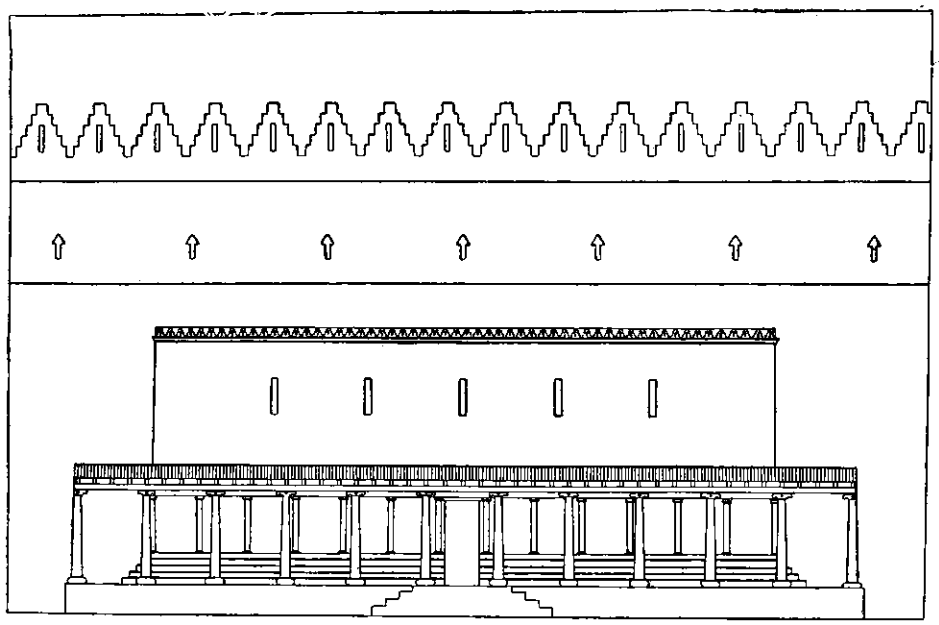

Рис. 4. Парфянский храм (реконструкция)

Так, реконструируя формы деревянных колонн портика, диаметр которых известен по верхней постели торовидных баз, а высота по гнездам над черной полосой фриза, мы придаем им слегка суживающийся кверху силуэт, что продиктовано естественной формой древесного ствола. Капителями, несомненно, служили плоские деревянные подбалки, обработанные по краям. Плоское перекрытие портика было, видимо, выполнено по типу обычной среднеазиатской глинобитной кровли. На колоннах покоился главный прогон с перпендикулярно опирающимися на него дополнительными балками-брусьями, концы которых заделывались в гнезда в стене. Поверх был наложен сплошной накат из дощечек или из тонких веток, который несколько раз промазывался глиной с саманом. Крыша имела небольшой скат для стока воды, местами были проложены водосбросы — желоба (при раскопках найден фрагмент такого гончарного желоба). Для того чтобы замаскировать скат крыши, по наружному краю ставился вертикальный ряд кирпичей.

Следов окон нет, но можно предположить наличие в верхней части стены узких световых проемов; щелевидная форма их диктовалась отсутствием остекления.

В завершении стены мы предполагаем наличие узорного парапета, составленного из терракотовых декоративных зубцов, подобных тем, которые в значительном числе были обнаружены при раскопках на Старой Нисе.

Ступеньки декоративного стереобата, оформляющего низ стены, прерываются в единственном месте — посредине; несомненно, что здесь располагался вход в помещение. Очевидно, в центре должна была находиться и лестница для подъема на плат-

форму. Мы реконструируем ее как лестницу с боковыми маршами, расположенными вдоль платформы, подобно лестнице в восточной части большого Южного комплекса Старой Нисы, лестницам Персеполя и др.

Стены здания достигают толщины до 2,5 м. Внутренние размеры его невелики — около 13 м длины примерно на 5 м глубины. Было ли здесь несколько помещений, или одно, пока решить невозможно.

Назначение постройки почти несомненно культовое, на что указывает наличие в этом участке античной Нисы некрополя парфянской знати и особый, парадный характер архитектуры здания, при небольших сравнительно его размерах. Видимо, это был род заупокойного храма при наосах парфянской знати, которые первоначально воздвигались рядом, а к I в. до н. э. вплотную надвинулись и перекрыли пришедшее к этому времени в ветхость сооружение полуторавековой давности. Возведение парфянами храмов у крепостных стен отмечено в Дура-Европос; в числе их, например, святилище Афлада, воздвигнутое прямо в укреплениях этого города[1].

В планировочном отношении новонисийский храм приближается к так называемому «храму А» парфянского Ашшура (SPA, I, рис. 109), заключающему два продолговатых помещения в мощных толщах стен. Еще более сближается он с парфянским храмом Гареуса в Варке. Последний также имеет невысокую платформу, к которой подводит четырехступенная лестница, колонный портик, глухую целлу храма, как бы подразделенную надвое; небольшие пристенные колонки фланкируют стены храма (SPA, I, рис. 110).

Архитектурный облик нисийского храма весьма своеобразен. Оформление стен его лишь отдаленно напоминает группу одиночных построек в парфянской Хатре, по мнению В. Андре (не подкрепленному им, однако, никакой аргументацией), мавзолеев (W. Andrae, Hatra, I, стр. 106). Эти здания, выстроенные в основном из камня или по крайней мере облицованные им, прямоугольны в плане, заключают от одной до семи комнаток и имеют единственный вход. Для архитектуры их характерно наличие высокого подиума; стены гладкие или оформленные плоскими пилястрами с капителями коринфизированного типа (W. Andrae, Hatra, I, рис. 126). Архитектурные формы обнаруживают известную близость к строительным традициям восточноримских провинций. Напротив, нисийский храм воплощает принципы местной строительной культуры. Глина, как исходный строительный материал; колонный портик как специфическая форма среднеазиатского массового зодчества; особый вид колонн; колоритное сочетание тонов — красного, черного и белого — все это качества, связанные с традицией народного парфянского строительства и оригинальной переработки некоторых мотивов эллинистического зодчества.

В композиции храма четко выражен принцип фронтальности: в противовес античным периптерам, здание это вытянуто по фасаду, причем как бы фоном его служит плоскость увенчанной зубцами крепостной стены. Важным качеством его архитектуры является участие особых ордерных систем. Характерна двухъярусная композиция храма, вообще говоря, типичная для архитектуры эллинизма. Но если памятники эллинистического зодчества дают в основном примеры архитектурного расчленения объемов и стен на два колонных яруса, или на нижний ярус глухой и верхний колонный (Пергамский алтарь, алтарь Артемиды в Магнесии на Меандре, Арсинойон и др.), то синхронный им храм Новой Нисы дает картину иную: внизу — легкий колонный портик, приоткрывающий выдержанную в изящных пропорциях колоннаду «красной стенки», во втором ярусе — гладь стены, завершенной зубчатой линией фигурного парапета.

Несмотря на относительно небольшие масштабы, здание производит впечатление большой монументальности. Это достигается противопоставлением значительных гладких участков стены при тщательно разработанных мелких архитектурных деталях, использованием принципа крупного ордера при небольших габаритах «красной стен-

[1] M. Rostovtzeff, Dura and problems of Parthian Art, New-Haven, 1935, стр. 206—207.

ки», контрастом легкого портика и массивного параллелепипеда основного архитектурного объема, ритмическими членениями колоннад портика и «красной стенки» В нисийском храме нет всеподавляющей грандиозности объемов и форм, как в монументальной древневосточной архитектуре. Его архитектурные детали, а главное, общее соотношение частей и целого вводят ощущение человеческого масштаба. В этом — те новые качества, которые принципиально отличают нисийский храм от памятников архитектуры древневосточных деспотий, вводя его в круг сооружений «античности» — в данном случае восточнопарфянской «античности».

Уже к I в. до н. э. участок территории, прилежащей к храму, был использован под застройку комплексом погребальных камер парфянской знати[1]. Исследованные здесь четыре погребальных камеры сложены из сырца 40 × 40 × 10 —12 см, на глиняном растворе. Толщина стен — от 1,2 до 2,2 м. Размеры самих камер невелики: 2 × 2,5 м, 2 × 3 м. Камеры строились одна за другой, впритык. В одном случае две камеры воздвигнуты были одновременно и последовательно заложены (рис. 5). Перекрытием служили своды, сложенные из сырца. В одной корридорообразной камере свод пролетом 1,1 м сложен клинчатой кладкой, в прочих, более обширных (до 2 м), — наклонными отрезками.

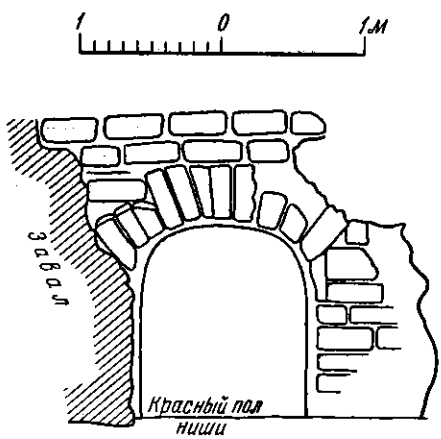

Рис. 5. Арка прохода, соединяющего две погребальные камеры

Стены и своды камер оштукатурены глиной, по которой нанесен слой ганча, окрашенного в малиново-красный цвет, с лощением. Аналогичны полы, очень хрупкие, непригодные для ходьбы, предназначенные лишь для помещения на них останков покойного и некоторого погребального инвентаря.

Позднейшая группа погребальных камер отмечается к северо-западу от храма, время сооружения их падает на II— начало III в. н. э. Здесь появляется новая камера, перекрытая коробовым сводом «отрезками» (пролет его равен 2,3 м). Затем эта камера закладывается на высоту 1,6 м от пола сырцом; новый пол вымащивается хрупкими плитками обожженного кирпича (44 × 31 × 5 см и 46 × 27 × 5 см). Вымостка полов продолговатыми плитками такого рода отмечена в греко-парфянских гробницах в Сузах[2].

«Красные камеры» Нового Нисы являют интересный пример пока еще невыясненной системы мавзолеев восточнопарфянского погребального культа. Некоторые аналогии как будто дает ипогей некрополя Пальмиры, где вдоль продолговатого зала, перпендикулярно к стенам, расположена система узких, вытянутых, наглухо заделанных камер[3]. Подобное же распределение погребальных камер отмечается и в комплексах парфянских погребений в Дура-Европос[4]. Однако усыпальницы Нисы представляли не столь четкий архитектурный организм, как Ипогей, поскольку слагались они в течение нескольких столетий не по единому плану, но по мере необходимости.

---

[1] Датировка одного из захоронений уточнена находкой монеты Орода I (56—37 гг. до н. э.)

[2] J. de M o r g a n, Travaux en Tell de la citadelle. Fouilles à Suse en 1897/98, 1898/99. «Délégation en Perse. Mémoires», I, Paris, 1900, стр. 53.

[3] R. A m y et H. S e y r i g, Recherches dans la nécropole de Palmyra, «Syria», т. XVIII, Paris, 1936, стр. 229—266, табл. XXXII.

[4] Fr. C u m o n t, Fouilles de Doura-Europos (1922—23), Paris, 1926, табл. CI—CIII.

В архитектуре нисейских погребальных камер важно отметить, во-первых, употребление уже в I в. до н. э. двух типов сырцовых сводов; в памятниках западнопарфянского строительства применение сводчатых конструкций падает лишь на первые века н. э. (O. Reuther, ук. соч., стр. 100—101); во-вторых, особую значимость ярко-красного цвета, видимо, игравшего в парфянском искусстве большую роль. Дальнейшие исследования парфянских погребальных сооружений Новой Нисы позволят выявить новые особенности парфянской архитектуры и обогатят наши представления о религии парфян.

Г. А. Пугаченкова

РЕДКАЯ СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ МОНЕТА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Отрывочный характер письменных источников, освещающих историю Средней Азии эпохи господства рабовладельческих отношений, делает особенно необходимым привлечение нумизматического материала в качестве исторического источника.

Значительный интерес представляют нумизматические данные для того периода, когда освободительная борьба народов Средней Азии постепенно привела к полному крушению греко-бактрийского государства. Во II—I вв. до н. э. появляются такие самостоятельные местные чеканы, как согдийский, бактрийский и, в известной мере, хорезмийский. В ряде случаев в создании собственных монетных типов серьезную роль сыграл чекан греко-бактрийских правителей Евтидема, Евкратида и Гелиокла. На первых порах это привело к выпуску монет, считающихся подражаниями монетам указанных правителей. Совершенно формально эти монеты в иностранной литературе называются «варварскими подражаниями»[1]: выпуск таких монет был вызван значительной потребностью в средствах обращения чеканивших их обществ и, следовательно, отражает уровень развития этих обществ.

Интересный образец подражаний тетрадрахмам греко-бактрийского государя Евкратида (ок. 175—156 гг. до н. э.) имеется в собрании Государственного Эрмитажа[2]: Av.— голова Евкратида в шлеме вправо. Черты лица несколько огрублены. Ободок из длинных овальных бус, чередующихся с двумя плоскими кружками. Rev.— Диоскуры, скачущие вправо с пиками и пальмовыми ветвями. Сверху полукругом легенда: ΡΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΥ; внизу под чертой: ΕΥΚΙΑΤΙΔΥ. Справа в поле буква Т и несколько ниже се Н. Слева в поле тамга ⸿. Концы букв утяжелены точками. Вес 15,64 г, диаметр 33 мм. Серебро. Монета хорошей сохранности (рис. 1, *1*).

Как легко можно видеть, данный экземпляр представляет собой почти полную копию наиболее широко распространенного типа крупных номиналов Евкратида. Отличается он только начинающимся искажением легенды и, что особенно интересно, наличием весьма характерной тамги.

В коллекции Государственного Эрмитажа имеется другой образец монеты, чеканенной в подражание тетрадрахмам Евкратида (инв. № 480; рис.. I, *2*), сходный с монетой, которая была издана А. Каннингамом[3].

---

[1] E. I. R a p s o n, Indian Coins, «Grundriss der Indo-Aryschen Philologie und Altertumskunde», т. II, ч. 3, Strassburg, 1897, стр. 7; W. T a r n, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, стр. 303. О термине «варварские подражания» см. А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА СССР, № 16, М.— Л., 1951, стр. 101 сл.

[2] Каталог Греко-Бактрии, инв. № 481. Автор приносит глубокую благодарность заведующему отделом нумизматики Государственного Эрмитажа А. А. Быкову за любезное разрешение работать над среднеазиатскими фондами Отдела.

[3] A. C u n n i n g h a m, Coins of Tochari, Kushans or Yue-ti. NC, 3 сер., т.IX, L., 1889, стр. 308, табл. XIII, 7.